

ТАМ,
ГДЕ СЛЕТАЮТ
МАСКИ

— АЛЕСЯ КУЗНЕЦОВА —

Алеся Кузнецова
Там, где слетают маски

«Автор»

2026

Кузнецова А.

Там, где слетают маски / А. Кузнецова — «Автор», 2026

Кира Арденцева знала о телевидении все: где должен вспыхнуть свет, когда зритель поверит в чужую искренность и какие слова заставят миллионы людей задержать дыхание. Она была голосом за кадром, редактором, женой знаменитого ведущего и человеком, который умел спасти любой эфир. Пока однажды ей не пришлось занять место, предназначенное другой. В студии — шесть масок, искаженные голоса, прямой эфир и разговор о браке, свободе и праве уйти. Ее муж сидит рядом и не узнает ее. А человек, которого называют главным циником современности, задает вопросы, которые сама она всю жизнь боялась себе задать. Один эфир должен был закончиться высокими рейтингами. Но стал началом игры, в которой у каждого есть маска — и каждому есть что скрывать.

© Кузнецова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужое платье	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Алеся Кузнецова

Там, где слетают маски

Глава 1. Чужое платье

Софиты над круглым столом вспыхнули так резко, что зрительские трибуны сразу провалились в полутьму. Тяжелый шелк чужого, невероятно красивого платья охлаждал кожу, но я едва это замечала. Этот сценарий я знала наизусть и знала в нем каждое слово, которое сейчас разорвет пространство студии голосом моего мужа.

Я провела в этой студии десять лет, и она давно стала домом. Но в этот момент мне стоило невероятных сил, чтобы удержать мелкую дрожь, охватившую ноги против воли. Потому что сегодня все за этим столом имели право быть в свете и говорить. Все, кроме меня. Потому что я впервые приняла самовольное решение и заняла чужое место.

Мысленно я повторяла слова Кости за ним, чтобы забыть о дрожи и сфокусироваться на понятных словах. Со словами мне всегда было проще. С людьми гораздо сложнее.

— Сегодня в нашем шоу «Разговор за маской» — шесть представителей самых разных направлений и точек зрения на один и тот же животрепещущий вопрос, — начал Костя. — Я начинаю представлять гостей. Первым участником стану я сам, ваш покорный слуга Константин Велесов. Все знают мое отношение к теме семьи. Нет в мире ничего более важного для мужчины, чем взять на себя ответственность за свою женщину, назвать ее женой и сделать все возможное для ее счастья. Но как только все фамилии будут названы, наши звукорежиссеры при помощи своей технической магии исказят голоса до неузнаваемости. И даже мой голос, который будит вас по утрам в семейном эфире и желает спокойной ночи в ночных программах канала, вы перестанете узнавать. «Разговор за маской» дает свободу и смелость говорить то, о чем в других программах молчат. Но сегодня, я уверяю, мы сможем удивить вас не только горячими дебатами, но и списком гостей, лица которых скрывают маски за нашим круглым столом.

Стеклянные шары напротив каждого участника полыхнули разноцветными неоновыми огнями, и я посмотрела сквозь тонкую прорезь маски на Костю. Мой муж чуть приподнял подбородок и закрыл свое красивое лицо такой же маской, как уже была на мне. Его взгляд, скользнувший по мне, ничего не выразил.

Он не узнал меня.

В крошечном внутриканальном наушнике, который перед выходом выдавали каждому участнику, шелкнула команда режиссера, и Костя начал представлять гостей. Когда над залом разнеслось имя Элины Добровой, я чуть наклонила голову в маске, принимая обрушившийся шквал аплодисментов, и в кровь хлынул чистый, обжигающий адреналин.

Элина сейчас лежала в гримерке, прикрыв большие красивые глаза, и не слышала ни аплодисментов, ни собственного имени.

А на ее месте — в ее платье, в ее перчатках до локтей, с тщательно спрятанными волосами и чужой маской на лице — сидела я.

Еще два часа назад Элина порхала по коридорам телестудии, рассказывала, что еле успевает выдохнуть между своими концертами, щедро делилась улыбками и излучала сияющее счастье, которое зрители потом называют естественным. Элина умела быть счастливой так убедительно, что рядом с ней даже искусственные цветы в холле казались живыми.

А потом она так же искренне рыдала у меня на плече в своей закрытой персональной гримерке, которую всегда требовала отдельно от всех. Я видела, как она достала из сумочки блистер и запила таблетку водой. Видела, но не остановила. В нашем мире взрослые люди часто

глотают успокоительное, и это не выглядело трагедией настолько, чтобы я бросилась вырывать перед эфиром обычную таблетку у звезды ее масштаба. Да и проблема была вовсе не в таблетке. Просто в тот момент я не знала, что в той же крошечной дамской сумочке лежала маленькая бутылочка шампанского.

За несколько минут до выхода я зашла проверить Элину и сначала решила, что она просто уснула. Доброва довольно красиво лежала на диване с откинутой рукой, с чуть приоткрытыми губами, будто репетировала обморок для дорогого клипа. Потом мои глаза выхватили на столе пустую бутылочку на двести миллилитров дорогого игристого, и я поняла, что дело не очень. Рядом лежал блистер.

Я не знала, была ли эта бутылочка первой. И не была уверена, что таблетка была одна.

— Элина, — позвала я тихо.

Она не открыла глаз, но недовольно поморщилась и отвернулась к спинке дивана.

— Еще десять минут, — пробормотала она глухо.

Я наклонилась ближе, приложила пальцы к ее шее. Пульс ровный. Дыхание — глубокое, сонное. Вызывать скорую не было смысла. Такое состояние Элина после концертов называла: «Я просто выключилась, не трогайте меня, люди».

Я уже видела ее такой однажды в Сочи, после ночного перелета и трех выходов подряд. Тогда она тоже лежала в гримерке без сил, потом через час проснулась, накрутила губы и вышла к журналистам на пресс-конференцию так, будто только что вернулась не с того света, а из сна.

Но сегодня часа у нас не было.

До выхода оставалось меньше семи минут.

Телефон в моей руке ожил сообщением от Кости.

Все гости на месте? Доброва готова? Юсаров уже в студии. Главное — не спугнуть его.

Конечно, главное было не спугнуть Юсарова. Глеб Юсаров впервые согласился прийти к нам в эфир, и это считалось маленьким телевизионным чудом. Он был единственным участником, которому никто не посмел заранее определить роль. Остальные звезды эстрады, спорта и кино привычно заучивали тексты, написанные редакторами и согласованные их продюсерами. Юсарову роль не предлагали. Его можно было только впустить в студию и молиться, чтобы пожар оказался управляемым.

Я смотрела на спящую Элину, которая так и не пришла в себя настолько, чтобы говорить в прямом эфире, на ее платье в раскрытом чехле, на маску и перчатки, подготовленные для выхода

Текст, который должна была говорить Элина, до последнего знака написала я. Это были мои мысли. Мои смыслы. Я знала каждое слово.

"Все на месте", — написала я Косте.

Никто не знал, что именно в эту секунду я решила проблему единственным способом, который ни один здравомыслящий человек даже не стал бы рассматривать. Пальцы слегка дрожали, когда я расстегивала молнию на чехле с чужим платьем.

В коридоре уже погасили рабочий свет. Участников выводили по одному, в масках, через боковой проход. За Элиной пошла я и это я должна была ее вывести в студию. Никто не сомневался, что звезда окажется в кадре раньше других.

Слова Кости, только что представившего известного футболиста, вернули меня в студию.

— И наконец, человек, чье имя в титрах гарантирует, что этот эфир не будет мирным или предсказуемым, — голос Кости набрал фирменную, бархатную глубину, от которой у миллион женщин по ту сторону экрана бежали мурашки. — Журналист, документалист, человек, который превратил цинизм в высокое искусство, а свой подкаст — в главную трибуну для тех, кто устал от семейных иллюзий. Глеб Юсаров!

По залу прокатилась волна, и это были не послушные аплодисменты массовки по команде «хлопок». Смесь восхищенного оханья, свиста и напряженного гула. Эфир становился горячим еще до начала.

Я всматривалась в похожие фигуры двух мужчин за масками и пыталась определить, где футболист Никита Бойков, а где Глеб Юсаров.

Юсаров не был рок-звездой, которая крушит гитары на сцене, или спортсменом, берущим любые преграды и стадионы. Он был новой медийной стихией. Его расследования собирали десятки миллионов просмотров за сутки, его ироничные разборы чужих «идеальных браков» ломали карьеры блогеров-миллионников и телезвезд старой школы, а его абсолютная пугающая независимость делала его недосягаемым для продюсеров. На федеральное телевидение Юсаров не приходил принципиально. То, что он сидел здесь, за нашим круглым столом, означало только одно: он пришел не играть по нашим правилам. Он пришел их уничтожить.

Музыка обрушилась на студию тяжелым, вибрирующим басом. Сработали пневматические замки, и мое кресло резко дернулось назад, выезжая из паза круглого стола. Зал взвыл от восторга. Вспыхнули хаотичные лучи лазеров, рассекая сизый студийный дым на тонкие светящиеся линии.

Началась медийная карусель — фирменный аттракцион нашего шоу.

Платформа под креслами пришла в движение, запуская нас по сложной круговой траектории. Мы скользили в полумраке, меняясь местами, пролетая мимо друг друга на расстоянии вытянутой руки. Сверкающие софиты выхватывали из темноты то изгиб плеча фальшивой Элины Добровой, то массивную фигуру футболиста, то безупречный дорогой пиджак Кости. Мелькали одинаковые, слепые зеркальные маски. Одинаковые костюмы на одинаковых рослых фигурах и блики трех одинаковых платьев. Три, четыре, пять кругов... Скорость нарастала, пока лица зрителей на трибунах не слились в сплошную, хлопающую и кричащую массу. В этой технологичной центрифуге стерлось все: социальные статусы, имена, прожитые вместе годы. Я не могла больше определить, за какой из масок мой муж, и вжалась пальцами в перчатках в холодные подлокотники, молясь только об одном — не выдать свой страх случайным вздохом.

Музыка оборвалась на высокой, звенящей ноте. Кресла с тяжелым металлическим стуком встали на новые позиции и намертво зафиксировались у стола. Лазеры погасли. В студии воцарился интимный, густо-синий свет.

Мы замерли вшестером. Шесть абсолютно одинаковых зеркальных овалов вместо лиц с тонкими прорезями для глаз.

Я быстро окинула взглядом круг, и внутри у меня все похолодело. Карусель сработала. Я понятия не имела, кто сидит напротив меня, а кто — по правую руку. Мужчина в строгом костюме слева мог быть моим мужем, а мог оказаться Юсаровым или футболистом Никитой, с которым мы созванивались накануне.

Я была создателем этого мира, но прямо сейчас потеряла над ним контроль. Теперь я могла узнать их только по текстам. По безопасным, выверенным тезисам, которые я лично прописала для каждого участника в сценарии, изучив их жизни. Если игра пойдет по плану, гости один за другим начнут озвучивать заученные роли, и я по кирпичикам восстановлю эту реальность, которую и без того грозило спутать присутствие Глеба Юсарова. Я надеялась, что наш генеральный продюсер понимал, что делает, когда пригласил его на шоу.

Я вдруг с ужасом поняла, что маски, которые мы с мужем когда-то придумали как элемент классного шоу, неожиданно вызвали к жизни что-то опасное. Они дали абсолютную свободу от собственного имени.

В моих ушах раздался короткий электронный писк — знак того, что звукорежиссеры включили питч-шифтеры и все наши голоса теперь звучат новыми, неузнаваемыми тембрами.

— Ну что же, — раздался из динамиков рядом со студийным видеоэкраном записанный заранее голос Кости. — Наше шоу «Разговор за маской» начинается. Тема сегодняшнего эфира: «Брак — это священный союз и спасение от одиночества или добровольная тюрьма, лишаящая человека воли?». По правилам программы, Маска Номер Один держит удар первой.

Над столом, прямо перед моим лицом, стеклянный шар полыхнул ядовито-зеленым светом.

Моя очередь.

Очередь Элины Добровой.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как жесткие ребра чужого корсета мешают дышать. Я должна была сказать о тепле домашнего очага, о том, что за каждым великим мужчиной стоит женщина и что брак — это высшая форма доверия. Я уже открыла рот, чтобы начать свой текст, но из глубины стола, от Маски Номер Четыре, раздался короткий, отчетливый и глубокий смехок, искаженный бездушной цифровой техникой.

— Священный союз? — произнес цифровой бас Четвертого, и по этой ленивой, хищной интонации я мгновенно поняла: это Юсаров. Сценарий полетел к чертям на первой секунде. — Какое красивое название для юридического договора, по которому одна сторона добровольно сдает себя в аренду, а вторая обязуется оплачивать счета взамен на иллюзию контроля. Давайте начнем без этой приторной лжи, Маска Номер Один. Расскажите нам лучше, отчего именно вы прячетесь за своей «священной» клеткой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.